Виктор Ширали

СТИХОТВОРЕНИЯ И ПОЭМЫ

Как лютневая музыка в конверте
На полчаса страна иль сторона
Или роман с сестрою в лазарете
Где милосердно помнится вина.

Иль это просто осень бесконечна
Под мягкою октябрьской иглой
Потянешь за руку
- Да ну Вас! -
так бесдечно
И ты подумаешь:
И бог с тобой!

.. ..

Благословенна поздняя свобода
Когда вот-вот наступят холода
И нет времен ..
Есть только время года
И мятное под сердцем
"Никогда".

Мне хотелось чего - ..
Мне хотелось какого-то дня
Так себе
Ничего .. ..
Крохотулечки эдак денечка
На себя непохожего
То бишь
На меня непохожего ..
Эдак типа такого - на праздник
В петлице
С зеленым листочком.

.. ..

Чтобы птица надежды
Плескалась и шла надо мной
Чтобы реяло и парусило

..

Веселое сердце
Чтобы прошлое было лишь прошлым
Хмельной и тяжелый отстой
И пускай им другой
В усмерть
В сладость
В блевоту упьется.

Мне хотелось метафор
С которыми сладить нельзя
На мою правоту
Чтоб не меньшее скалилось право
Чтобы похоть
Которую я бы любовью назвал
Стала-таки любовью
Потому что стихами оправил.
Мне хотелось любви

Ишь чего захотелось
Любви.

..

Вот, Господи:
Она
и Он.
Они
Сопряжены,
Помножены.
И вместе
Они тебя,
как ни велик ты,
Больше ..
Хотя бы на мгновение одно.

Ты мстителен.

Он отвернется к стенке.
Она,

прислушиваясь к тишине и к сердцу,
Услышит, что не заведен будильник.

Глава о судьбе человечества.

Лепечущее о добре и зле,
дитя,
посаженное на кол собственной истории.
Обделываясь на родной Земле,
зубком молочным
прогрызает Космос.

- Ужо тебе!
Грозит ему Господь,
но что ему -
оно уже в полете.

Глава, посвященная памяти погибших космонавтов

Астральный путь
тяжел тебе, Земля.
Катарсисы твои - твои поэты.
Сгораем -
значит не сгораем зря.
И прах наш
развивается по ветру.

Глава о том, как тяжело жить в похмельи,
а также об Испании и А.С.Пушкине

"Лимонную дольку Луны
К сухому от изжоги небу"

Испания?
.. ..
Где Александр Сергеевич
Не был.
..
А также и другие страны, ..
где
Не был он.

Глава о перевоплощении

В смерть...
В самый надежный тыл
Мы отошли для перегруппировки
И перевоплощения.
- Хочу в птенца
Или в собаку, -
Просил я Бога.
Выдал мне винтовку
К ней Ширали
того же
образца.

ВИД НА ТБИЛИСИ ИЗ ЗАВИСНУВШЕГО ФУНИКУЛЕРА.
..
Главное друг не висеть
главное двигаться брат.
Разъедает меня этот вид в состояньи покоя
Это слишком красиво
Этому надо краснеть
Но зеленого
Сытного ..
Не блокадного это покроя.

.. .. ..

У профессора.....надзе две дочки
(Тринадцать, четырнадцать лет)
Я еще ничего
Подожду и женюсь
Но какую?
Так вопрос сей свободен
И так безнадежен ответ
Ибо что я могу им?
Помимо?
Повялой своею душою

Эти девочки
Каждая счастье
А две невпродых
Это южная темень кобылицами юными бредит
Это осень моя мне весенний готовит подвох
Это радуюсь я
Это строчки меня колобродят

Что сказать о Тбилиси
Помимо того что завис
Над и втуне
Чуть видным
(частота колебания)
Сердцем
В эту юность влюбленным

Так влюбляются в старый Тифлис
То бишь очень запутанно –
С выходом в серные бани
В хинкальную
С пивом и с перцем

Что сказать Петербургу?
Который так ждет моих слез
Что сказать о Москве
Где повесился давний приятель
Собирался обедать

Встал и вышел
(Туалет совмещенный)
Завис..
Проходная строфа
..
Выходная строфа
И завис ..
Непонятно и подло

И кстати

Что сказать о Тбилиси?
Гелати
Ах это не там ..
То есть там то есть в Западной Грузии
Нам шарманщик мудрил ..
Ну конечно с собакой к обеду
Аргонавты висели
Каждый в шкуре златой по ветвям
И Медея бросала ..
Детей своих рваных в Колхиду

Это все ..
Непонятно и подло
Когда к тридцати
Нет еще тридцати ..
Собираются кучкой друзья
И это везут в крематорий

Пепел в грифели
Грифель в пепел
Этим уже расписаться нельзя
К тридцати расписался
"Р-р-р"... выговаривать начал
Повесился
Не было крови

Пили мы "Имерули" и еще
Я не помню

От пьянства ослаб
Я еще ничего
Но от пьянства большого слабею
И друзей отодвинув
В дубраву залез и залег
Предварительно
Сам мифоправец
В свинью обративши Цирцею

Это часто со мной
Это с каждой со мной
Потому-то я юных боюсь
Эти девочки ..
Вкруг меня кругосветного бродят
Век мой ведай
Эту долгую
На Итаку идущую грусть
Ни собака ни нянька
Меня не узнают ..
К вернождущей меня не проводят

Ибо нету такой ..
Ибо только беру города
Разоряю и няньчу
Колыбели пустые в отместку
Что сказать о Тбилиси
Дадо мне пыталась гадать
Нагадала
Что счастью и мне
Мне и счастью
В одном путешествии тесно
..
Это все непонятно и подло
Как ни складывай
Все невпритык
Все как есть
Каждый
Я к примеру ..
Под осиной гуляю Иудой

Крови хоть бы
От пули чеченца
Дантеса какого
Какой убивает нас ток
Объясни напряженье аппаратиком летным
Глухому
.. .. ..
У профессора .....надзе две дочки
Ирена и Нана
И сын
И жена
И собака ..
Тойтерьер (привязался, хотя сволочнейшей породы)
И друзья
И вино .. .. ..
И да будет всегда этот дом
Полон
Счастлив
И к странникам
Страждущим
Добр.

П О С Л Е С Л О В И Е

..
Деревья радовались в сентябре
Тбилиси проплывал фуникулером
Мы жили высоко
Что было впору
Даже моей приспущенной поре
Я пробовал грузинские слова
Но убегали лжи и перевода
Чужой язык ..
Как не моя свобода
Была мне непонятна и мила.

Д Е К А Б Р И

А.В.

1

Ибо времени мало
Времени стало в обрез
Под долой
И под пулю
С крестом
Под звездою
Иль бес.
меня водит.
Или как водится так и живу
Это время наводит
и дуло и
дулю свою.

..

Зачерпнуть декабря.
Захрустеть леденцом на зубах.
Тишина.
Или где-то собачий мне слышится брех.
Или бог.
Ибо надо же слышать и слышаться в этом миру.
Ибо надо же слышать и слышаться в этом миру.
Быть собакою певчей.
Быть собакой
Иль певчей вперехлест голосить на юру,
На юру
на кресте
поюродсдвовать,
на звезду
и за суку повыть.
"Пес твой вою, эпоха"
(Вознесенский)
Но волчьего в нас не избыть, Вознесенский.

Тишина,
..
Зачерпнуть декабря.

Захлебнуться.
Застыть декабрем.
Каждый год под картечью, как мухи.
Но, может, к весне оживем
и всплывем.
Это время
подводит нам вымя.
Но дульным зрачком.
Ввергнет.
Как перчатку нас вывернет,
(кажется, Вознесенский)
Ввергнет.
Щенячье и сучье зачтет, Вознесенский.

Соловья
раз спросили
что роза ему, соловью.
Как поэтому Россия
На шипу
(топ и шип)
Но люблю
Но пою: ..
Жизнь подобна свирели
свирель, свирепей в унисон
В декабри и в сирени
и в горе и в роды
и в стон
этой Самой эпохе
приложиться к тугому соску.
(жизнь, зашедшая в похоть
петь) ..
Богородицу?
Блядь?
Но сосу.

ЛЮБИТЕЛЬ
или
схоластические стихи о психологии творчества

Вступление

Декабрь.
В декабре.
Декабрьские стихи.
Повествовательны
и постепенней
коня, покрытого попонами
и пеной
вдоль дома водят по наезженой дороге.
Трудно сдержать в нем бег пера по лезвию бумаги.
Но, думаю, достанет мне отваги.
Да, думаю, достанет мне отваги!

1.

Над вымыслом слезами обольюсь...
А.Пушкин

Пора начать поэму.
Но о чем?
Когда уж целый год я не влюбляюсь,
а все пишу стихи.
Стихами занимаюсь я с охотой,
слова мои легки,
но все уже описаны грехи,
к тому же, зуб болит.
Рефреном и с напором,
к тому же, не понять болит который,
и, черт возьми, зима!
И зуб!
И злюсь уже.

Но, может, вот о чем:
на верхнем этаже
соседнего напротив дома

всю ночь горит окно,
и я бы мог придумать занятную историю.

Начну с того:
в ночи....
высотный дом...
как зуб больной торчит!
Но будет о зубах!
Но он болит же.
Но...
Болит в ночи высотное окно,
и каждый раз, когда иду домой,
оно болит зовуще надо мной.
Насыщенно,
налито красным светом.
Оно болит,
но светится при этом.
.. ..
Здесь переходы мне к зубам легки -
и вот не ною, а пишу стихи.
Не о болях -
и вам совет таков:
боль - дело, недостойное стихов.

Но я отвлекся от того окна,
где светится,
где ждет меня она.
Далеко за полночь.
Лифт выключен уже.
Она живет на верхнем этаже.

По лестнице пустой и чисто освещенно,
кошачьих запахов и всех других лишенной,
я поднимаюсь.
И?
И тишина.
Лишь музыка негромкая слышна
в какой-то на пути моем квартире:

приемник, верно, выключить забыли –
и музыка.
Вот эта: тра, та, та...
Так близко, как дыхание у рта.
Так высоко, что у меня одышка.
Приятна высота, когда не слишком
высоко.

Передохну, добравшись до вершин.
Придумаю – ведь я не разрешил
вопросов: кто она?
Зачем она?
Красавица из красного окна?
И как ее зовут?
Я с ней на "вы"? На "ты"?
– Зачем красавица?
– Для красоты.

И вот звоню.
И быстрые шаги,
и дверь распахнута.
– День добрый.
– Доброй ночи, милый!
Что нынче поздно так?
Так я уже здесь был!
– Жена не засыпала долго что-то.

Вот так –
сморозил,
не зарифмовал –
и завязался глупый адюльтер.
– Ну, проходи ж!..
Иду через прихожую
и в комнату.
Кровать, торшер бордовый,
верхний свет потушен –
и если здесь придется переспать,
то выйдет все как в фильме у Лелюша.

И вправду, близится
и страстью изнывает,
с меня одежды теплые срывает
и в спешке сердится – застежку не понять!

Здесь время есть у нас поговорить
об эмансипации.
Вопрос эмансипации меня интересовал давно.
В нем, правда, трудно в спешке разобраться,
но
скажу афористично, не без желчи:
эмансипация – романтика для женщин,
а для мужчин она...

Она уже управилась и вот
меня в постель обширную кладет,
и близится, и назревает миг,
когда любовь срывается на крик,
когда совсем нет места между тел...

Но зуб
истошно
матом заболел.
Болит рефреном он –
как я хочу напомнить.
Приходится мне подчиняться форме.
К тому ж, идет декабрь,
и пора
пейзажи зимние вести из-под пера.

2.

Красуйся, град Петров, и стой
Неколебимо, как Россия...

А.Пушкин.

Ночь, белая, от выпавшего снега,
Высокая и резкая луна.
Смеркающееся горизонтом небо.

Отчетливые, точные дома
в различных разворотах.
Срезы резки.
Обдуманно разбросаны кусты
и саженцы...
деревья редки -
движенье их подчеркивает стиль
рационального размаха и размера
чертежного проектного листа.
Красуйся, град Петров,
живи, Петрово дело
в стандартных зданиях, сходящих с ДСК!

..

Вот вам декабрьский пейзаж района,
в котором я живу,
в котором я ночую...
Еще точнее так:
куда роняю ночь,
которую не жить, но превозмочь
бессонницу.
И резкая луна сквозь мерзлое окно
в постылые глаза,
и тишина,
и лунный свет,
и пусто,
еще не понято,
не сказано,
но грустно.

..

О чем грустишь, декабрьский поэт,
Когда всю ночь не умолкает свет
окна
соседнего
напротив дома?
Ведь ты бы мог придумать
занятную историю.

Начни с того:
в ночи
пустующей
лишь красный свет торчит
на верхнем этаже,
и в этом красном свете,
склонившись над столом,
сидит фотолюбитель.
Пред ним стоит его увеличитель.
..
Кадр спроецировав,
минуту отсчитав,
фотобумагу опускает он в состав
с названьем четким,
чудным -
"Проявитель".
..
Здесь я прошу внимания, мой читатель,
следящий строго из-за моего плеча, -
над ухом не сопи,
а примечай,
пойми,
влюбись в мгновенье,
когда на скучной пустоте листа
настанет мир,
наступит проявленье
искусных слов,
которых страстно ждал.

Естественно
и страстно,
но - искусно -
живи, мой стих,
пусть будет жизнь легка,
как с нежностью
ласкающе,
но властно
по телу женскому идет рука;

талантливо,
тоскующе,
влюбленно,
томительно, словно в глубоком сне,
придавленная страстью,
но свободно.
Но для чего в любви свобода мне?
Поэтому, читатель, я продолжаю.

Мой фотолюбитель
фотобумагу опускает в проявитель
и выжидает...
Сладкая отрада,
когда из-под мерцающей воды
один из славных видов Ленинграда
всплывет,
проявится,
хоть и затерт до дыр,
но дорог был он моему герою.

Он
не любил вдруг созданный район,
в котором жил,
где получил квартиру,
которую ему с женой от производства дали.
Творения Кваренги и Расстрелли
по стенам его комнаты висели,
средь них он тешил душу.
И давно
старался не заглядывать в окно.
А зря.
Есть стройный смысл в квартале,
который я показывал в начале
главы,
а год назад счастливо написал:

"Бетонные воздвигнув корпуса,
Петрополь ловит ветер в паруса

своих окраин...
Посвисты команд..."
и далее.

Любитель мой был рад,
взяв фотокамеру,
после работы
по городу великому бродить,
снимать уже отснятые красоты,
но в каждой из красот свой ракурс находить,
запечатлеть деталь решетки сада.
Конечно, Летнего!

Я отступаю снова
в знакомые и звучные места.

В ночь белую
следить развод моста,
разлет мостов.
Нева подобьем птицы,
взметнув мосты,
сквозь Петербург несется.
О город мой,
даруй и мир,
и блажь
своим любителям,
любовникам,
поэтам,
пока они еще хотят полета,
пока они летят -
и ты живешь.

Есть правда в отступленьях
и право,
где отступаю я -
кто разберет?
Но продолжаю
Мой герой

упрямо
сквозь отступленья
движется вперед.

Итак, фотолюбитель
фотобумагу опускает
в проявитель
И выжидает...
Сладкая отрада
когда
но
вдруг
в
одном
из
славных видов Ленинграда
явилась женщина.
И вовсе незнакома.

Он дернул головой назад -
жена спала,
во сне дышала ровно.
Кадр следующий.
Еще один.
Еще.
Но в каждом из пейзажей
являлась женщина одна и та же,
прекрасная, как "ах!",
и видно было,
что влюблена была,
и что любима...
Он прикоснулся пальцами к воде,
уже не помня, что снимал и где.

На снимке было лето,
вокзал, перрон,
она легко одета
и празднично,

и в чем-то мини-белом,
и белое мороженое ела,
и под руку держала,
но кого?..
Он пригляделся.
Кажется, - его.
Его!
Его!
Поверил он.
Итак
я разворачиваю лето, словно стяг.
В распластанные плоскости перронов
входил как крылья бег и гром вагонов,
и небо было голубым и птичьим,
по загородам мчались электрички,
и он,
она в слепяще белом,
и по глазам.
И ехали к заливу.
Зной лежал несносен.
Горячая смола бежала с сосен.
И к морю.
И с разбега.
И в бега.
На день.
На лето.
И на берега.
И было - не было!

Ах, было...
Не было...
Но я-то вот о чем:
жена не спящая стояла за плечом.
Как долго? ..
Босиком, полуодета.
Что видела?
- А это кто?

– А это?
– Это?
– Это!
– Случайно фотокамерой задето.
– А здесь?
– И здесь...
Рассказ веду к концу –
и мокрым снимком по его лицу,
и в слезы.
В слезы, в слезы...
покаянья...
мол, я не я,
прости...
Простит.
Прощенье.
И в неостывшую еще постель,
и...
И в который раз,
и в мир,
и в сон,
и свет в окне погас.

ДЖАЗОВАЯ КОМПОЗИЦИЯ

Саксофон
Похожий на безгрудую сирену
Какая же сирена без грудей?
Но голоса ее я знаю цену –
Но мало голоса чтобы прельщать людей
И в том беда высокого искусства.

1.
Начнем мелодию в зевотной тишине
Где зевы..
Сквозь ладонь
Просвечивают ало
Итак начнем
Закружит в вышине

..
Мелодия
Как птичий крик коряво
Черна
Словно воронее крыло ..
Когда они сбиваются над полем
И жруш
Колосьев срезанных зерно
Глаза свои мы в этих зернах помним.

П.

У саксофониста застыли пальцы
Он греет их под мышки заложив
Они белы как мел пиджак ему испачкали

Ш.
..
Греть руки над костром
Прижав к огню ладони
Глядеть в него -
Взгляд медленно утонет ..
в огне задумчивом
И вкруг слепая ночь
Как крышка запыленного рояля
Куда мы отраженье не роняем.

1У.
..
Дай Господи и мне такие руки
чтоб высекать осколочные звуки
Как жеребец на клавиши рояля копыта быстрые и легкие
роняет
..
Дай Господи и мне такую волю
Чтобы предаться радостному полю
Бежать и все
И лишь искусство бега ..
Оставить за собой подобьем следа

У. ..
Глядеть в костер
Затем когда погаснет ..
Из тлеющих углей выкатывать свой взгляд
Забыть стихи Забыть о контрабасе ..
Который так похож на лошадиный зад
Который высвечен огнем нетвердым
И знать что не один ..
что дале
в тьме ночной
есть круп

Хребет ..
кобылья морда
Стекающая травяной слюной.

У1.
И поутру ..
На берегу пруда
Сойти в него
тепло из ног высасывает глина
Руками развести пух тополиный
В воде ночной отобразится солнце
Стократ размножено
В глазах рябя
И прозвучит
Пронзительно
И чисто
И радостно
Как светлая труба
В губах губастого
Как ржанье лошади
Джазиста.

ПОСЛЕДНИЕ СТАНСЫ К АВГУСТУ

1. ..
Позднее лето свои начинает права
Белые ночи темнят

Боги в аллеях балуют
В Летнем Саду
Так ровна по газонам трава
Что я нагнулся и кошку по шерстке погладил

Двигатель мой
Подвигатель на смех и на плач
Видишь ли Соня
Я и живу-то на случай
Что пожалеешь меня
Мой сладчайший палач
В дохлое сердце
Оголенный введешь проводочек.

Жить-то как дальше
И стоит ли милая жить
Если уже не живу
Не живу, а кайфую
Стоит ли
Если уже не умею любить
Но еще тянет
Томит
И ведет к поцелуям.

2.

К тридцати мы становимся мастерами себе эпитафий
Жизнь прожив
Продолжаем оформлять прожитое в стихи
Вот лежит Ширали
Он дорос до счастливой рубахи
А потом перерос
И дела его нынче плохи.

Вот лежит Ширали
Как всегда не один а с подругой
Оба голеньки как
Но она как и надо с фатой
Некрофилка
Сластена

Себя этой связью погубишь
Потихоньку прикройся
И вголос отпой.

Так лежат они оба ..
Голенькие как две ладони
Ловят дождик телами
Солнышко в небе
Что-то он напевает
А что все никак не припомнит
Что-то очень простое
И за душу очень берет.

3.

..
Белые ночи свои продолжают права
Жив ли не знаю ..
Но белыми к жизни подкуплен
Голенькие оба
Поэтому тощий комар ..
Коего я на твоей ягодице прихлопнул.
..
Видишь ли Соня
Растеряно время мое
Или потеряно
Или куда закатилось
Или влюбиться
Как всех о прощеньи молить
Или влюбиться
И сдаться любимой на милость.
..
Видишь ли Соня
Сдохнуть не так-то легко
Даже загнив еще не становишься трупом
Вот откупился
Кровью
Поносом
Строкой
Голенькие оба

Семенем
Фигушкой
Воплем.

..

Белые ночи сегодня темнее
Дождит ..
Первые или последние воют трамваи
Боже мой правый
Доколе же дальше мне жить
Или прости
И уткнувшись в Него засыпает.

Спит Ширали
Сочинитель сквозь строчки кимарит
Праздные мысли подходят к его изголовью
Голеньки оба
Поэтому тихий комарик
С солнышком вместе
Наливаются утренней кровью

Вот например
Обе имперских главы
Что в разворот
На чугунно-космической жопе
Боже мой правый
Доколе же скифствовать нам
Выверни или сверни
Но к Европе
К Европе
Европе

.. .. ..

Солнце меж тем продолжает замедленный ход
Шмелем гудя
Отвалил
С трудом высоту набирает
И повернувши к любимой
Свой незначительный зад
Сонями
Смерти доправ
Ширали до конца засыпает.

Что же касается до совершенства твоих ягодиц
Двигатель мой ..
Агрегат наслаждения Соня
То я пасую и сплю
Но рифмую
Так ведь
Для любования ими не хватит и тыщи бессонниц

Что же касается разной с Европой судьбы
То бишь того
Что аршины не метрами мерить
То я пасую и сплю
Но рифмую
Так ведь
С каждым столетием все тяжелее мне верить.

Что же касается
До совершенства вообще
Что же ..
Вот Город
И я
Его Автор
И зритель
И толкователь
Что до окна то не знаю
Но щель
В коей и я азиат
Но одною главой
Европетель.

4.
..
К тридцати
Мы становимся
И похерив свое мастерство
Вытворял
Коновальничал
Над душою
Отчизною
Музой

А она надо мной
Проявляла свое естество
Оставляя на теле
Открытые
Рваные
Розы

Это было красиво
А может быть в этом и смысл
Так сказала мне Соня поднимаясь с овчинного ложа
Дура Сонька ответил
Судьбу еще надо допеть
А о смерти потом
После смерти
Постскриптум
Постфактум
Попозже.

ooooooooooooooooo